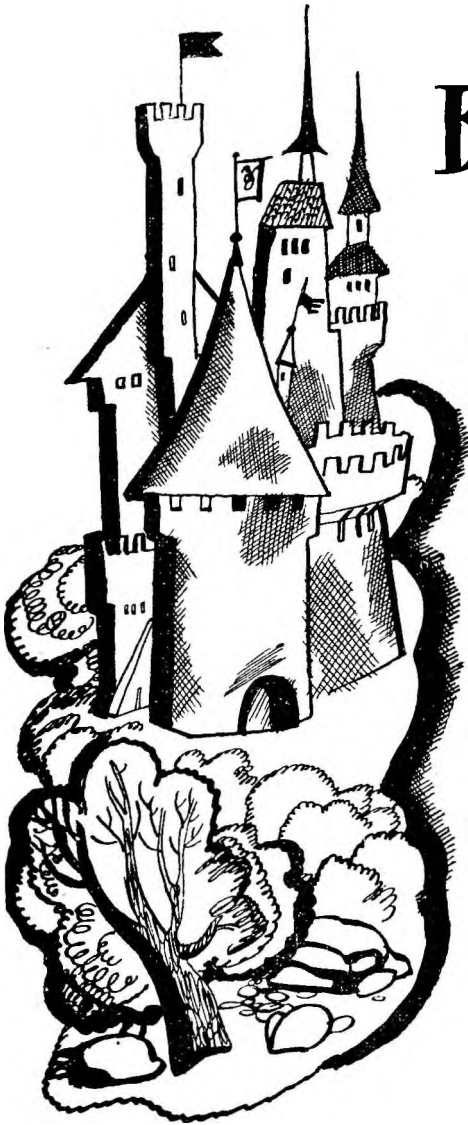

ВОЛШЕБНЫЙ РОГ МАЛЬЧИКА

Из немецкой
народной
поэзии

Издательство "Детская литература"

ВОЛШЕБНЫЙ РОГ МАЛЬЧИКА

Из немецкой
народной
поэзии

Переводы
Льва Гинзбурга

Издательство
"Детская литература"
Москва 1971

Дорогие ребята!

Эта книга познакомит вас с немецкой народной поэзией.

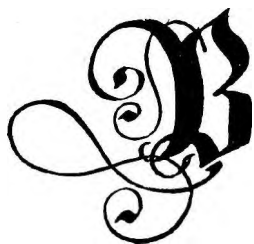
Вы прочтете немецкие народные баллады, воспевающие лучшие качества человека: трудолюбие, честность, отвагу, независимость.

Безымянные поэты защищали в своих стихах слабых и обиженных, высмеивали богачей и скупцов.

Многие из этих произведений отозвались в творчестве таких замечательных немецких поэтов, как Гёте, Шиллер, Гейне (вспомним хотя бы бессмертную «Лоре-лею»).

В книгу вошли также песенки, считалки, загадки.

*Предисловие и комментарии
переводчика*

К ЧИТАТЕЛЯМ

1802 году на ярмарочном судне, плывшем из Франкфурта в Майнц, среди пестрой, разношерстной толпы путешествовали два студента. Первый был черноволос, смугл, носил на голове красный колпак, с плеча его свисала лютня, из кармана торчала большая кожаная табакерка. Второй — светлокудрый юноша в коричневом дырявом плаще и поношенном камзоле — неотступно следовал за своим товарищем. Оба приглядывались к пассажирам, вступали в задушевные беседы с матросами, лоточниками, ярмарочными акробатами, с особым интересом слушали песни бродячих певцов.

Студентов звали Ахим фон Арним и Клеменс Брентано.

Восемь дней провели они на борту плавучей ярмарки. Именно тогда у обоих друзей возникла идея собрать и выпустить отдельной книгой народные песни, столь поразившие их воображение. И немецкая литература обогатилась редчайшим собранием лирики, которое впоследствии получило название «Волшебный рог мальчика».

Началась напряженная работа: поиски древних рукописей, «летучих листков», стихов, написанных на пергаменте, и ломких, порыжевших от времени страниц со слипшимися строками, набранными деревянными литерами в старинных типографиях...

Шесть лет спустя книга увидела свет. На титульном листе стояло посвящение: «Его превосходительству господину тайному советнику фон Гёте».

«Господин тайный советник» — величайший писатель Германии Иоганн Вольфганг Гёте с восхищением принял дар молодых поэтов, предсказав ему долгую и славную жизнь.

И он не ошибся.

Кто скажет, где, кем и когда эти стихи сочинялись? Кто сложил первоначальный вариант, прочитал или пропел его своим приятелям на постоялом дворе, в придорожном трактире, в походной солдатской палатке или в аудитории старинного университета? И пошел этот «текст» гулять по городам и селам, дополняемый или изменяемый в зависимости от различных обстоятельств. Таким образом, сам народ стал как бы коллективным автором этих баллад и песен. Это он вложил в них свою душу, свои суждения о том, как живут и как должны жить люди на земле, свою тоску, свою печаль, надежду и радость.

Вы сами в этом убедитесь, когда начнете читать баллады, которым сейчас лет по четыреста — пятьсот, а может, и больше.

Века прошли — и все же ни одна из них не постарела, не пожухла от времени, а принимает до слез или заставляет хохотать во все горло. Да и как не посмеяться над закоренелыми лентяями из страны Шлараффии, над похождениями смешного портняжки, который, попав в ад, перехитрил чертей и самого сатану, и как не опечалиться, читая о судьбе несчастной девушки, которая из-за бедности ушла в монахи и лишилась своего жениха? Тут такая чистота, такая наивность, такой свет исходят от каждой строчки, что невольно согласишься со знаменитым немецким поэтом Генрихом Гейне, который когда-то писал, что «тому, кто хочет узнать немцев с лучшей стороны, я советую прочесть их народные песни».

Да, могучая земная сила заложена в этих, казалось бы, незатейливых и наивных стихах. Да и не такие уж эти стихи наивные! В них в своеобразной манере выражены весьма важные мысли, народное отношение к таким понятиям, как богатство и бедность, честь, любовь, верность, отвага.

Никогда народная поэзия не была прислужницей богачей угнетателей, никогда не заискивала она перед сильными мира сего, а, напротив, смеялась и издевалась над ними, вершила свой скорый и правый суд. Зато безымянные певцы наделяли всяческими добродетелями людей подневольных, обездоленных, стоящих на самой нижней ступеньке сословной лестницы.

Сравните, например, как выглядит в народной лирике какой-нибудь рыцарь, блистательный, всемогу-

щий феодал, граф фон Фалькенштейн какой-нибудь, и как изображены простодушные горемыка Швартенгальз, находчивый портняжка, крестьянин, вступивший в спор с хвастуном рыцарем, крепостная девушка, готовая на все ради своего возлюбленного.

Конечно, в те далекие времена люди подчас были в плену у религиозного мышления, со всей искренностью искали защиты и покровительства у господ бога, однако тот бог, с которым мы встречаемся в народной поэзии, несколько не похож на бога из церковных молитв и проповедей, а скорее напоминает добрых королей из народных сказок. Это какой-то очень справедливый, очень простонародный, очень земной бог, само воплощение мудрости, доброты и справедливости — всего того, чего люди не видели в своих жестоких и корыстных правителях.

С официальной религией народ явно был не в ладах. Церковь призывала людей к послушанию, к умерщвлению плоти и вечному покаянию, а народ слагал веселые песни о вине и любви, о весне, которая неизбежно победит лютую зиму, о жизни, которая восторжествует над всемогуществом смерти.

Я сейчас говорю о поэзии XV—XVI веков, но в этой книге вы найдете стихи, написанные еще раньше, — лирику бродячих школяров, так называемых вагантов, в XI—XIII веках кочевавших из одного европейского университета в другой. Эти ваганты исповедовали свою собственную веру: религию радости, веселья, равенства и духовной свободы. Трудно даже поверить, что стихи эти были написаны в мрачайшую эпоху, именуемую средневековьем, за пятьсот лет до Возрождения, когда темы, намечавшиеся в студенческой лирике, прочно утвердились во всем

европейском искусстве и литературе. Стало быть, и в эпоху так называемого средневековья невозможно было остановить движение человеческой мысли, задумать, запереть в клетку мятежный человеческий дух!

Из учебников истории вы знаете о Тридцатилетней войне 1618—1648 годов, приведшей в запустение Европу. Подумать только: целых тридцать лет длилась бессмысленная, кровавая и изнурительная война. Германия представляла собой груду развалин, бедствия войны усиливались политическим и религиозным гнетом. До стихов ли тут было? И вот в то самое время появилась целая плеяда замечательных поэтов, таких, как Мартин Опиц, Андреас Грифиус, Пауль Флеминг, Иоганн Рист, Пауль Гергардт... Их творчество было одушевлено стремлением заступиться за свой измученный народ, утешить его в годину неслыханных бедствий. Эти поэты были учеными, книжниками, но силу для своих стихов они черпали прежде всего в народной поэзии, которая переживала тогда небывалый расцвет. Стихи сочиняли все: солдаты-ландскнехты, бездомные, лишившиеся крова и куска хлеба крестьяне, монахи-расстриги, бежавшие из монастырей. И часто среди этих неведомых никому певцов попадались настоящие таланты. Уж кто-кто, а авторы этих стихов хорошо знали, какие бедствия несет народу война, затеянная князьями и церковниками, и обрушивали на них всю свою ярость. Народная поэзия заклеила «прославленного» своим мародерством генерала Холька, а в «Рассказе о фальшивой монете» зло высмеяла правительственных фальшивомонетчиков, которые грабили и обирали народ. Когда, много лет спустя, великий немецкий поэт Фридрих Шиллер задумал свою три-

логию о Валленштейне, он внимательно изучил фольклор Тридцатилетней войны, и в его творчестве вновь ожили персонажи, настроения, мотивы и ритмы тех, к тому времени почти уже забытых, песен.

Если вы прочтете лучшие творения немецкой поэтической классики — «Фауста» Гёте, баллады Шиллера, стихи Уланда, Бюргера, Гейне, Шамиссо, Брентано, Арнима, вы без труда обнаружите в них отголоски народной лирики. Да и в наше время к этой сокровищнице не раз обращались крупнейшие поэты Германии. Брехт, например, ввел в свои драматургические произведения так называемые сонги — хлесткие куплеты, напоминающие песни уличных певцов.

Некоторые думают, что народная поэзия существовала только в глубокой древности. Но это не так. Народная лирика продолжала развиваться и в XIX веке, и в XX, хотя, разумеется, содержание ее значительно изменилось. В середине XIX века, в канун революции 1848 года, появились безымянные пародии на старинные песни, затасканные по хрестоматиям. Народ уже не мог всерьез относиться ко всяким королям, рыцарям, принцам, прекрасным дамам с их замками, турнирами и «высокими страстями». Народная лирика, подобно самому народу, весело расставалась со своим прошлым, отдавая свои традиционные сюжеты и своих традиционных героев пародии и сатире.

Вместе с тем фольклор продолжал откликаться на события современности: уличные менестрели горлалили крамольные куплеты на злобу дня в берлинских дворах, в предместьях Мюнхена, в закоулках

Гамбурга. И кто знает, сколько подлинных поэтических ценностей до сих пор так и не собрано!

Я здесь не случайно говорю о поэтических ценностях потому, что и книгу эту не стоило бы издавать, если бы эти стихи были всего лишь откликами на те или иные события, отражением тех или иных общественных настроений, а не содержали бы в себе, может быть, подчас грубоватую, иногда несколько наивную и все же прекрасную поэзию.

Все это в полной мере относится и к так называемым детским стихам. Сколько в них простодушного лукавства, юмора и глубокого смысла! Кто придумывал все эти считалочки, скакалочки, дразнилки? Взрослые или сами дети?

Пословицы и загадки, солдатские и застольные песни, напевы бродячих школяров и куплеты из спектаклей, тексты «летучих листков», выкрики уличных продавцов и разносчиков, забытые обычаи и обряды — все это возрождается в детском стихе, перевранное, искаженное до пародии, но зато переосмысленное и помолодевшее. А может быть, эти стихи поначалу предназначались вовсе не для детей?..

В этой книге, в основу которой положены стихи из «Волшебного рога мальчика», использованы и другие антологии немецкого фольклора, собранные в разное время поэтами и учеными.

Но ни одно из этих собраний не может по своей поэтической прелести сравниться с «Волшебным рогом мальчика», где древние строки, к которым прикоснулись своим пером два замечательных поэта, обрели на этот раз новую и действительно вечную жизнь.

Гёте по этому поводу писал:

«Кто знает, какие изменения претерпевает песня, когда она некоторое время странствует из уст в уста народа, и отнюдь не только необразованного! Отчего бы тому, кто, в конечном итоге, записывает эту песню и ставит ее в ряд с другими, не внести в нее свои изменения?.. Поэт имеет законное право на всё, что создано его предками и современниками. Почему он не может собирать цветы повсюду, где их находит? Лишь из приобщения к чужим сокровищам рождается вечное...»

Этими словами мне бы хотелось закончить предисловие, с тем чтобы поскорей начать наше «путешествие по Германии», по дорогам немецкой истории, и чтобы в этом путешествии вас сопровождал лучший «экскурсовод» — поэзия, созданная народом.

Лев Гинзбург

КРЕСТЬЯНИН И РЫЦАРЬ

На некий постоялый двор
Заброшены судьбою,
Мужик и рыцарь жаркий спор
Вели между собою.
Нет любопытней ничего
Иной словесной схватки.
А ну посмотрим, кто кого
Положит на лопатки.

«Я родом княжеским горжусь,
Я землями владею!» —
«А я горжусь, что я тружусь
И хлеб насущный сею.
Когда б не сеял я зерно,
Не рыл бы огород, —
Подох бы с голоду давно
Твой именитый род!» —

«Мой гордый нрав и честь мою
Повсюду славят в мире.
Под лютню песни я пою,
Фехтую на турнире!
Каких мне дам пришлось любить
И как я был любим!
А ты, крестьянин, должен быть
Навек рабом моим».

«Заслуга, брат, невелика
Всю ночь брэнчать на лютне
Сравнится ль гордость мужика
С ничтожной честью трутня?
Не танцы и не стук рапир —
Поклясться я готов, —
А труд крестьянский держит мир
Надежней трех китов».

«Но если грянет час войны,
Начнется бой суровый,
Кто из немецкой стороны
Пойдет в поход крестовый?
В пустыне — пекло, как в аду,
Но ад мне нипочем!
И сарацинам на беду
Я действую мечом!»

«Махать мечом — нелегкий труд,
И нет об этом спора,
Но в дни войны с кого берут
Бессчетные поборы?
Кто должен чертовы войска
Кормить да одевать?
Нет, даже тут без мужика
Не обойтись, видать!»

КРЫСОЛОВ ИЗ ГАМЕЛЬНА

«Кто там в плаще гуляет пестром,
Сверля прохожих взглядом острым,
На черной дудочке свистя?..
Господь, спаси мое дитя!»

Большая в Гамельне тревога:
Крыс развелось там страсть как много,
Уже в домах не счесть утрат.
Перепугался магистрат.

И вдруг волшебник — плут отпетый —
Явился, в пестрый плащ одетый,
На дивной дудке марш сыграл
И прямо в Везер крыс согнал.

Закончив труд, у магистрата
Волшебник требует оплаты,
А те юлят и так и сяк:
«За что ж платить-то? За пустяк?»

Велик ли труд — игра на дудке?
Не колдовские ль это шутки?
Ступай-ка прочь без лишних слов!»
И хлопнул дверью Крысолов.

Меж тем, от крыс освобожденный,
Ликует город возрожденный,
В соборах — господу хвала! —
Весь день гудят колокола.

Пир — взрослым, детворе — забава.
Но вдруг у северной заставы
Вновь появился чудодей,
Сыграл на дудочке своей,

И в тот же миг на звуки эти
Из всех домов сбежались дети,
И незнакомец, всей гурьбой,
Увел их в Везер за собой.

Никто не видел их отныне,
Навек исчезнувших в пучине.
Рыдайте, матери, о т ц ы , —
Не возвратятся мертвецы.

Тела детей волна качает.
Кричи — поток не отвечает.
Река бежит, вода течет.
Какой ценой оплачен счет!..

Всем эту боль запомнить надо,
Чтоб уберечь детей от яда.
Людская жадность — вот он, яд,
Сгубивший гамельнских ребят.

Гёте, прочитав эту балладу в «Волшебном роге мальчика», шутливо заметил: «Смаживает на уличную песню, однако не лишена изящества».

Уличной песне была суждена большая жизнь: легенда о Крысолове получила широкое распространение в Германии и за ее пределами. Коварный Крысолов, жадные обыватели и доверчивые гамельнские дети стали в мировой литературе символами. Существует множество обработок, пересказов и переложений гамельнского «Крысолова».

БАЛЛАДА О ГЕНРИХЕ ЛЬВЕ

Чего так в Брауншвейге встревожен народ,
Кого провожают сегодня?
То Генрих Брауншвейгский уходит в поход
На выручку гроба господня.
Жену молодую обняв у ворот,
Он ей половину кольца отдает,
А сам, уходя на чужбину,
Другую берет половину.

Вот герцог по бурному морю плывет.
Беснуется черная бездна,
И рушатся мачты, и ветер ревет,
И помощи ждать бесполезно...
Корабль сиротливый наткнулся на риф.
Но вдруг в вышине появляется гриф.
«О боже, спаси мою душу!»
Он герцога вынес на сушу.

В гнездо, где алкал пропитанья птенец,
Влетел он с находкою странной.
Но Генрих Брауншвейгский был храбрый боец
И славился удалью бранной.
Спасенный от смерти по воле небес,
Он, грифа осилив, направился в лес
И в зарослях летними днями
Кормился корой и корнями.

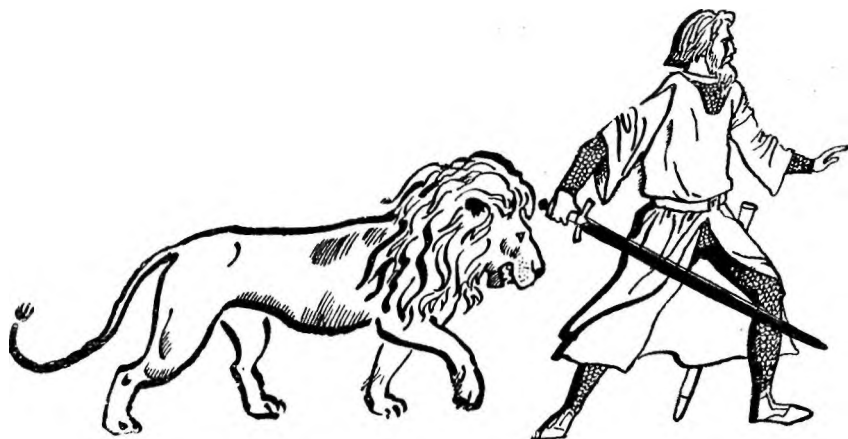
Однажды бредя сквозь лесной бурелом,
Пытаясь разведать дорогу,
Увидел он схватку дракона со львом
И кинулся льву на подмогу.
Поверженный, рухнул дракон, захрипев...
И Генриху молвил израненный лев:
«Услуги твоей не забуду,
Навеки слугой твоим буду!»

А ночью явился к нему сатана:
«В Брауншвейге тебе побывать бы!
Там дома твоя молодая жена
Затеяла новую свадьбу!»
И горестно герцог промолвил в ответ:
«Ее ли винить? Миновало семь лет.
Дай мне повидаться с женою
И делай что хочешь со мною!»

И только он эти слова произнес,
Как черт себя ждять не заставил:
Он спящего герцога в город принес
И льва за ним следом доставил.
И Генрих воскликнул, разбуженный львом:
«Я гостем незваным являюсь в свой дом!
Должны мы поспеть на венчанье».
В ответ прозвучало рычанье.

Вот герцог вошел в переполненный зал,
Отвесив поклон неуклюже:
«Недурно б, сударыня, выпить бокал
За вашего первого мужа!»
И, глаз не сводя с дорогого лица,
Он бросил в вино половину кольца,
Хранимую им на чужбине,
И подал бокал герцогине.

Но что, побледнев, она вскрикнула вдруг —
Иль сделалось худо невесте?
«Вернулся мой Генрих! Мой верный супруг!
Навеки отныне мы вместе!»
И гости воскликнули все, как один:
«Вернулся возлюбленный наш господин!»
В старинном Брауншвейге едва ли
Такое веселье знавали.

Так герцог, что прозван был Генрихом Львом,
До старости герцогством правил.
А лев, находясь неотлучно при нем,
И в смерти его не оставил.
Не смог пережить он такую беду
И в тысяча сто сорок третьем году,
Теряя последние силы,
Почил у хозяйской могилы.

Генрих Лев — фигура не вымышленная. Он был герцогом баварским и саксонским и в XII веке возглавлял союз феодалов, воевавших против императора Фридриха Барбароссы.

НИЩИЙ ШКОЛЯР

Я — кочующий школяр...
На меня судьбина
Свой обрушила удар,
Что твоя дубина.

Не для суетной тщеты,
Не для развлечения —
Из-за горькой нищеты
Бросил я ученье.

На осеннем холоду,
Лихорадкой мучим,
В драном плашике бреду
Под дождем колючим.

В церковь хлынула толпа.
Долго длится месса.
Только слушаю попа
Я без интереса.

К милосердию аббат
Паству призывает,
А его бездомный брат
Зябнет, изнывает.

Подари, святой отец,
Мне свою сутану,
И тогда я наконец
Мерзнуть перестану.

А за душеньку твою
Я поставлю свечку,
Чтоб господь тебе в раю
Подыскал местечко.

РАЗГОВОР С ПЛАЦОМ

«Холод на улице лют.
Плащ мой! Какой же ты плут!
С каждой зимой ты стареешь
И совершенно не греешь.
Ах ты проклятый балбес!
Ты, как собака, облез.
Я— твой несчастный хозяин —
Нынче ознобом измаян».
Плащ говорит мне в ответ:
«Много мне стукнуло лет.
Выгляжу я плоховато —
Старость во всем виновата.
Прежнюю дружбу ценя,
Надо заштопать меня,
А с получением подкладки
Снова я буду в порядке.
Чтоб мою боль утолить,
Надо меня утеплить.
Будь с меховым я подбоем,
Было б тепло нам обоим».
Я отвечаю плащу:
«Где же я денег сыщу?
Бедность — большая помеха
Для обретения меха.
Как мне с тобой поступить,
Коль не могу я купить
Даже простую подкладку?..
Дай-ка поставлю заплатку!»

«Разговор с плащом», так же как и стихотворение «Нищий школяр», относится к лирике вагантов.

«Нищий школяр» входит в рукописный сборник XIII века, обнаруженный лишь в 1806 году в монастыре Бенедиктбейерн, в Баварии. Таким образом, около шести веков этот сборник пролежал взаперти в особом тайнике.

КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТИ

Я знал двух детей королевских,
Печаль их была велика:
Они полюбили друг друга,
Но их разлучала река.

Вот бросился вплавь королевич
В глухую полночную тьму,
И свечку зажгла королева,
Чтоб виден был берег ему.

Но злая старуха черница
Хотела разбить их сердца, —
Ту свечку она загасила,
И ночь поглотила пловца.

Настало воскресное утро.
Кругом веселился народ.
И только одна королева
Стояла в слезах у ворот.

«О матушка, сердце изныло,
Болит голова, как в чаду.
Ах, я бы на речку сходила...
Не бойтесь, я скоро приду».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда!
Возьми-ка с собою сестрицу,
Не то приключится беда».

«Сестренка останется дома —
С малюткой так много хлопот:
Поди, на зеленой поляне
Все розы она оборвет». —

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда!
Возьми с собой младшего брата,
Не то приключится беда».

«Пусть братец останется дома —
С малюткой так много хлопот:
Поди, на зеленой опушке
Он ласточек всех перебьет».

Ушла во дворец королева,
А девушка в страшной тоске,
Роня горячие слезы,
Направилась прямо к реке.

Вдоль берега долго бродила,
Печалась, не высказать как.
И вдруг возле хижины ветхой
Ей встретился старый рыбак.

Свое золотое колечко
Ему протянула она:
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Свою золотую корону
Ему протянула она:
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Раскинул рыбак свои сети...
И вот на прибрежный песок
Уже бездыханное тело
С немалым трудом приволок.

И девушка мертвого друга,
Рыдая, целует в лицо:
«Ах, высохли б эти слезинки,
Когда б ты сказал хоть словцо!»

Она его в плащ завернула:
«Невесту свою приголубь!» —
И молча с крутого обрыва
В холодную бросилась глубь...

...Как колокол стонет соборный!
Печальный разносится звон.
Плывут похоронные песни,
Звучит погребальный канон...

МАЛЕНЬКИЙ СКРИПАЧ

Когда родился я на свет,
Меня качали в зыбке.
Прошло не так уж много лет —
Я стал играть на скрипке.

В родной стране, в чужом краю
Играл я задумчиво.
Влюбилась в музыку мою
Однажды королева.

«Зайди скорее во дворец,
Сыграй мне два куплета!» —
«Да разве можно?! Ваш отец
Казнит меня за это!»

«Зайди скорее во дворец!
Оставь свою заботу:
Сегодня ночью мой отец
Умчался на охоту».

И вдруг король влетел во двор!
Как выдернет он шпагу!
Как закричит: «Разбойник! Вор!
Схватить! Казнить бродягу!..»

Вот день прошел, прошло два дня.
Ох и хлебнул я страху!
На третий день ведут меня
Три стражника на плаху.

Король на зрелище созвал
Соседей и соседок.
«Дозвольте, братцы, — я сказал, —
Сыграть вам напоследок».

Король, слегка умерив гнев,
Кивнул своей короной.
И заиграл я тут напев
Протяжный, похоронный.

Какой тогда поднялся плач!
Толпу трясло от плача.
«Ну вот что, маленький скрипач, —
Король воскликнул, плача, —

Бери-ка в жены мою дочь!
Играешь ты на славу.
Тебе свой замок отдаю
И всю мою державу!»

ГОСПОДИН ФОН ФАЛЬКЕНШТЕЙН

Однажды с охоты граф Фалькенштейн
Скакал по лесам и полянам,
И вдруг на дороге увидел он
Девчонку в платке домотканом.

«Куда ты, красавица, держишь путь?
Не скучно ль бродить в одиночку?
Поедем! Ты в замке со мной проведешь
Хмельную, веселую ночь!»

«Чего вы пристали? Да кто вы такой?
Все хлопоты ваши напрасны». —
«Так знай же: я — сам господин Фалькенштейн!
Теперь ты, надеюсь, согласна?»

«Ах, коли взаправду вы граф Фалькенштейн, —
Ему отвечает девица, —
Велите отдать моего жениха,
Он в крепости вашей томится!»

«Нет, я не отдам твоего жениха,
Ему ты не станешь женою.
Твой бедный соколик в поместье моем
Сгниет за тюремной стеною!»

«Ах, если он заживо в башне гниет, —
Бедняжка в слезах отвечает, —
Я буду стоять у тюремной стены,
И, может, ему полегчает».

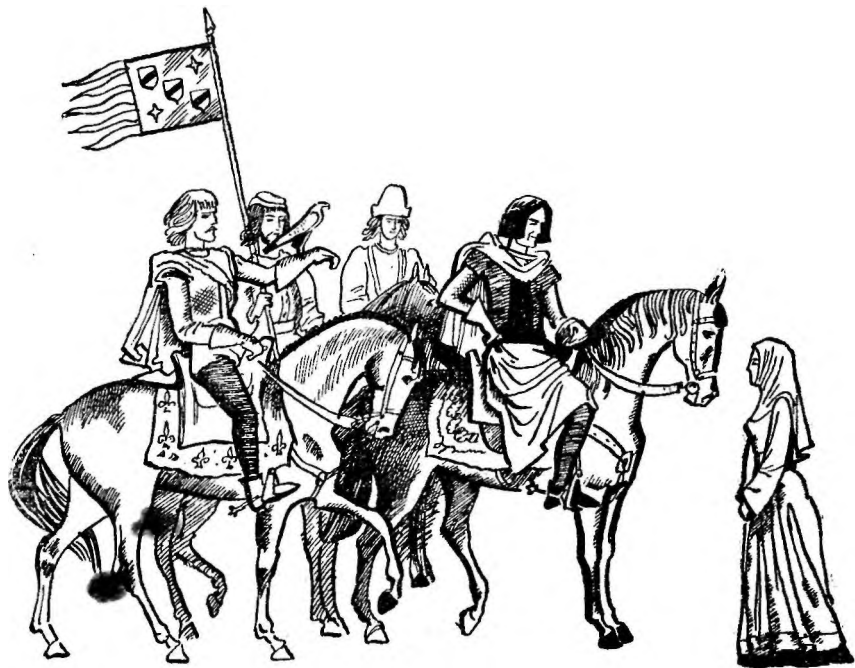
Тоскует она у тюремной стены,
Звучит ее голос так жутко:
«О милый мой, коли не выйдешь ко мне,
Наверно, лишусь я рассудка».

Все ходит и ходит вокруг башни она,
Свою изливая кручину:
«Пусть ночь пройдет, пусть год пройдет,
Но милого я не покину!»

«Когда б мне дали острый меч,
Когда б я нож достала,
С тобою, граф фон Фалькенштейн,
Я насмерть бы драться стала!»

«Нет, вызов я твой все равно не приму,
Я с женщиной драться не буду!
А ну-ка бери своего жениха,
И прочь убирайтесь отсюда!»

«За что ж ты, рыцарь, гонишь нас?
Ведь мы небось не воры!
Но то, что нам принадлежит,
Берем без разговора!»

СВЯЩЕННИК И ВОЛК

Эй, братцы! Навострите уши —
Хочу потешить ваши души.
Но есть особая изнанка
У незатейливого шванка.

Поп — деревенский старожил —
Своих овечек сторожил,
Поскольку после каждой стрижки
Звенело у него в кубышке.

Ах, как родных детей отец,
Лелеял поп своих овец...
Но вот несчастье! В том поселке
Внезапно появились волки

И, не имеячи сердец,
Нещадно крали тех овец,
Чтобы полакомиться в чаще
Едой, что всяких лакомств слаще.

Наш поп, обиженный судьбой,
Решил пресечь такой разбой
И в лес направился он прямо,
Чтоб ночью вырыть волчью яму.

Свой замысел продумав тонко,
Он в яму поместил ягненка.
И вот, знакомый чуя дух,
Волк на приманку в яму — бух!

Явив завидную смекалку,
Поп длинную хватает палку,

Желая волку в глаз попасть:
Мол, мы тебя отучим красть!

Но хитрый волк, сидевший в яме,
Своими острыми клыками
Вцепился в палку что есть сил
И старца в яму затащил.

Теперь, возьмите это в толк,
Их в яме двое: поп и волк.
Священник, глядячи на волка,
Молитвы шепчет втихомолку.

«Господь, — твердит он, заикаясь, —
Я пред тобой смиренно каюсь,
Что, осквернив поповский сан,
Нешадно грабил прихожан.

Я имя господа порочил,
Я людям головы морочил
И злее лютых обдирал
Сирот невинных обдирал.

Тобой подвергнутые мести,
Мы с волком здесь подойдем вместе.
Яви же милосердья чудо
И дай мне выбраться отсюда!»

Всю ночь промаялся старик.
Вдруг волк ему на шею — прыг! —
И мигом выбрался на волю,
Осуществляя божью волю.

Сбежалась вскорости толпа.
Из ямы извлекли попа.
Он с этих пор живет не тужит
И, как ведется, службу служит.

Стихотворение написано безмянным поэтом-вагантом в XI или XII веке.

Шванк — небольшой стихотворный или прозаический рассказ в немецкой средневековой литературе.

ГОРЕМЬКА ШВАРТЕНГАЛЬЗ

В пути заметил я трактир
И постучал в ворота:
«Я горемыка Швартенгальз,
Мне пить и есть охота!»

Хозяйка отворила дверь.
Я плащ и шляпу скинул,
Налил вина... Да стал глазеть
И кружку опрокинул.

Она тут потчевать меня,
Что барина какого...
Да только денег не возьмешь
Из кошелька пустого!

Хозяйка сердится, бранит —
Чуть не оглох от крика.
Постель не стелет, гонит прочь:
«Иди в сарай поспи-ка!»

Что делать, братцы! Лег я спать
В сарае возле дома.
Эх, незавидная кровать —
Колочая солома.

Проснулся утром — смех и грех! —
Дрожу, от стужи синий.
Вот так хоромы!.. На стене
Засеребрился иней.

Ну что же, взял я в руки меч,
Пошел бродить по свету.
С пустым мешком пошел пешком,
Коль не дали карету.

А на дороге мне сынок
Купеческий попался,
И кошелек его тугой
По праву мне достался!

Швартенгальз — скорее, прозвище, чем собственное имя.
«Шварте» — по-немецки «толстая кожа, шкура»; «гальз» —
«шея».

Эту балладу очень любил Генрих Гейне. Он писал:

«Какой честный мальч этот бедняга Швартенгальз, хотя он
и разбойник с большой дороги!.. Этот бедный Швартенгальз —
самый что ни на есть немецкий характер, который я когда-либо
знал. Какое спокойствие, какое сознание силы царит в этом
стихотворении!..»

СВИДАНИЕ С МЕРТВЫМ ЖЕНИХОМ

Ее он любил когда-то,
Да взяли его в солдаты.
Ему сказала она:
«Зачем так печален взор твой?
Живой ты будешь иль мертвый —
Я стану ждать у окна,
Пока отгремит война».

За месяцем месяц мчится...
Вот всадник в окно стучится
Осенней порой ночной:

«Ты помнишь иль ты забыла,
Как прежде меня любила?
Садись на коня со мной!» —
«Я жду тебя, мой родной!»

Он обнял ее за шею
И вот уже вместе с нею
На черном летит коне.
«Не страшно ль тебе, родная?» —
«О милый, ведь не одна я!
Чего же бояться мне
В своей ли, в чужой стране?»

Как жалобно ветры плачут,
Как мертвые быстро скачут.
Проехали шаткий мост,
К часовне ведет дорога.
Осталось скакать немного:
Белеет вдали погост
При свете холодных звезд.

«Любовь моя и отрада,
Навек нам расстаться н а д о », —
Невесте сказал жених.
И лег он в сырую землю:
Лишь мертвых земля приемлет
В объятья могил своих,
Но не берет живых.

ВЕЙНСБЕРГСКИЕ ЖЕНЫ

Мы затынем с вами чинно
Эту песнь седых времен.
Есть серьезная причина
Нам воспеть отвагу жен,
Верность женскую прославить
В подобающих стихах,
Как бы памятник поставить
В человеческих сердцах.

Сей рассказ из давней были
К нам пришел через века...
Крепость Вейнсберг окружили
Наступавшие войска.
Кайзер Конрад разъяренный
Гнал на штурм бойцов своих,
Но железной обороной
Старый герцог встретил их.

День и ночь идет осада,
День и ночь гремит война.
Прочь отброшена пощада,
Вельфам гибель суждена.
Среди грохота и воя,
Средь бушующих огней
Милосердие простое
Груды золота ценней.

Крепость мечется в тревоге
От нежданной беды:
Перерезаны дороги,
Нет ни хлеба, ни воды.
Даже старые рубаки
Приуныли в эту ночь:
«Все подохнем, как собаки.
Может бог один помочь».

Но когда душа мужчины
В подлый страх погружена,
Из печали, из кручины
Мужа выручит жена.
Так и здесь... Твердя молитвы,
Через вражеский редут,
Толпы жен на поле битвы
Прямо к Конраду идут.

«Кайзер, внемли нашим стонам,
Дай от смерти жизнь спасти,
Разреши несчастным женам
Прочь из крепости уйти!»
И ответил победитель,
Тронут этою мольбой:
«Уходите и берите
Все, что можете, с собой!»

И взгляните — что за диво!
Свет любви тая в очах,
Жены вышли торопливо
С тяжкой ношей на плечах.
Но не серебро, не золото,
Не дары своей земли —
Мужа, сына или брата
На плечах они несли.

Конрад, полон удивленья,
Молвит: «Вот чего не ждал!»
И в припадке умиленья,
Как младенец, зарыдал.
И противнику в награду
За любовь и верность жен
Повелел он снять осаду.
Так был город пощажен...

О великие герои,
О бесстрашные бойцы,
Люди Спарты, люди Трои,
Громких подвигов творцы!
Вашей силе и отваге
Неспроста дивится свет.
Но в какой, скажите, саге
Подвиг женщины воспет?

Разве гимнов не достойна
Та, что, долю не кляня,
Мужа вынесет спокойно
Из смертельного огня?
Слова лишнего не скажет,
Все поймет и все простит,
Другу рану перевяжет,
Лоб горячий остудит.

Как божественное чудо,
Щедрой данное судьбой,
На земле везде и всюду
Навсегда она с тобой!
Пусть же славятся отныне
До скончания времен
В гимне, в песне и былинне
Честь, любовь и верность жен!

Событие, о котором рассказывается в этой балладе, произошло в 1140 году и послужило основой для многих народных песен и сказаний.

Вельфы, засевшие в крепости, были немецким феодальным родом, который владел Саксонией, Баварией и Брауншвейгом и ожесточенно боролся против усиления власти германских императоров.

НАДЕЖДА

Тяжела, страшна утрата,
Все погибло без возврата, —
Понапрасну слез не лей.
Что корить судьбину злую?
Позабудь любовь былую,
О минувшем не жалей...

Но и в черный день бессилья
Нам дает надежда крылья,
Заставляет жить сердца.
Жарко шепчет: «Не сдавайся!
Полно хныкать! Оставайся
Тверд душою до конца!»

Ах, не будь у нас надежды,
Мы б давно сомкнули вежды,
Может, сами б в гроб легли.
Но она, лишь скорбь заметит,
Светлой радугой засветит,
Вспыхнет звездочкой вдали.

Если ранен, если болен,
Если жизнью обездолен,
Сердце даром не неволь.
Только вспомни про нее ты —
Сразу снимет все заботы,
И твоя утихнет боль.

Если стану помирать я,
Не спешите плакать, братья!
Пусть тогда моя родня
Позабудет о погосте,
Да зовет надежду в гости —
И, глядишь, спасет меня!

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Я старый, стреляный солдат,
Ничем особым не богат,
Прекраснейшая дама!
Не золото, не серебро,
Одна лишь честь — мое добро.
В том признаюсь вам прямо.

Моя палатка — замок мой,
Живу в ней летом и зимой.
Хожу в худом камзоле.
Да хныкать совесть не велит:
Ко мне господь благоволит
В бою, на бранном поле.

Весь провиант мой — хлеб и сыр,
Не больно тут устроишь пир!
Да не поймите ложно:
Лишь были б хлеб, да табачок,
Да придорожный кабачок —
И жить на свете можно!

Да что там горе и печаль!
Я уповаю на пицаль.
К врагу ворвешься в нору,
Как пригрозишь: «А ну, малёк!
Решайся: жизнь иль кошелек?» —
Все выложит без спору.

Постель мне — черная земля,
А сплю не хуже короля,
Храплю себе пресладко.

Но попрошу иметь в виду:
Я меч под голову кладу
Для пущего порядка.

Уж не такой-то я дурак,
Хоть не силен по части врак:
Ослепну, онемею,
Состарюсь, надо полагать,
В дугу согнусь — а вот солгать,
Ей-богу, не сумею!

Война для всех нехороша.
И все ж как тешится душа,
Когда охришим басом
Взревет труба, взметнув картечь,
И задубасит тяжкий меч
По вражеским кирасам!

Гул барабанов. Треск пальбы.
Дым. Пламя. Кони — на дыбы.
Беснуется железо.
Тут стал бы пятиться как рак,
Да не сдержат себя никак —
В атаку первым лезу.

Кто знает, может, поутру
Я, насмерть раненный, помру,
Коли судьба изменит.
И все же верю: пронесет!
Святая троица спасет —
И пуля не заденет!

Кому и жизнь моя нужна?
Вот были б дети и жена,
Тогда другое дело.

А нынче некому рыдать...
Вели, вахмистр, земле предать
Изрубленное тело!

Пускай на память обо мне
Три залпа грянут в тишине.
А я, закрывши веки,
Усну в земле, покуда нас
Всех не разбудит трубный глас,
Чтоб воскресить навеки.

И коль случится вам прочесть
Иль, может, где услышать весть
О гибели солдата,
Скажите просто: «Это он!
Ах, без взаимности влюблен
Он был в меня когда-то!»

Вчерашний день одно лицо
Передало мне письмецо
От вас, моей богини,
Что, дескать, я в грехах погряз,
Что честь и совесть порастряс,
Скитаясь на чужбине.

Я по прочтении письма
Обескуражен был весьма,
Слезами обливался:
Я честен сердцем и умом
И в добром имени моем
Никто не сомневался!

Сей незаслуженный ответ
На многое мне пролил свет...
Герои битв победных,
Солдаты честные! Не нам
Искать любви прекрасных дам —
Сейчас не любят бедных.

Стихотворение «Старый солдат» было написано в годы Тридцатилетней войны и возникло в войсках имперского полковника Валленштейна.

Если вы читали Шиллера «Лагерь Валленштейна», то несомненно узнаете в шиллеровском вахмистре нашего «старого солдата»: его лукавую и рассудительную речь и присущее простому человеку чувство собственного достоинства, которое здесь так отчетливо выражено.

ЛИЛОФЕЯ

В древнем царстве подводном жил-был водяной,
Но манила его земля:
Он задумал сделать своей женой
Лилофею, дочь короля.

Он из красного золота выстроил мост
И, невесте богатства суля,
Вызывал на свиданье при блеске звезд
Лилофею, дочь короля.

Он коснулся белой ее руки,
Красоту королевы хваля,
И пошла за ним следом на дно реки
Лилофея, дочь короля.

И тогда схватил ее водяной
(Словно горло стянула петля):
«Не уйдешь ты отсюда! Ты будешь со мной,
Лилофея, дочь короля».

Миновало много ночей и дней...
В светлой горнице из хрустала
Семерых родила ему сыновей
Лилофея, дочь короля.

Но однажды приснился ей странный сон:
Поле... Небо... Крик журавля...
И слышала тихий церковный звон
Лилофея, дочь короля.

«Отпусти, отпусти меня, водяной!
Погляди: о пощаде моля,
В униженье и в горе стоит пред тобой
Лилофея, дочь короля».

Но угрюмый супруг отвечает ей,
Плавниками в воде шевеля:
«Кто же вскормит моих семерых сыновей,
Лилофея, дочь короля?»

«Ах, не бойся, супруг, я вернусь назад,
Хоть мила и прекрасна земля.
Разве может покинуть невинных чад
Лилофея, дочь короля?»

И она восстала со дна реки
И в весенние вышла поля.
«Здравствуй, — в ноги ей кланялись стебельки, —
Лилофея, дочь короля».

И вошла она тихо в господень храм,
Небеса о прощенье моля.
«Здравствуй, — люди склонились к ее ногам, —
Лилофея, дочь короля».

Прибежала мать, прибежал отец:
«Ты пришла, нашу скорбь исцеля,
Так пойдем же скорее в родной дворец,
Лилофея, дочь короля!»

Все светилось, сияло вблизи и вдали,
Пело небо, и пела земля,
Когда слуги в родительский дом привели
Лилофею, дочь короля.

Гости ели и пили всю ночь напролет,
Сердце сладким вином веселя:
Возвратилась домой из безжалостных вод
Лилофея, дочь короля.

Вдруг в окно кто-то яблоко бросил на стол:
То, внезапно сойдя с корабля,
Ищет, требует, кличет незримый посол
Лилофею, дочь короля.

«Пусть в огне это яблоко нынче сгорит!» —
Приговор свой исполнить веля,
Оробевшей служанке, смеясь, говорит
Лилофея, дочь короля.

Но невидимый кто-то отвечает ей:
«В светлой горнице из хрустала
Семерых ты оставила мне сыновей,
Лилофея, дочь короля».

«Ты троих заберешь, я возьму четверых,
Пусть им родиной будет земля!» —
Так она сыновей поделила своих,
Лилофея, дочь короля.

«Я троих заберу и троих я отдам.
Но, сокровище честно деля,
Мы седьмого должны разрубить пополам,
Лилофея, дочь короля.

Всё поделим: и ноги и руки его.
Ты возьмешь половину и я.
Что ж молчишь? Неужель ты страшишься чего,
Лилофея, дочь короля?»

«Иль ты думал, мне сердце из камня дано?..
Ах, прощайте, цветы и поля!
Чем дитя погубить, лучше канет на дно
Лилофея, дочь короля».

БЫЛА Б ТЫ НЕМНОГО БОГАЧЕ...

Однажды я на берег вышла.
По тропке спустилась к реке.
Вдруг вижу: челнок подплывает,
Три графа сидят в челноке.

Вот граф, молодой и прекрасный,
В бокал наливает вина:
«Красавица, светик мой ясный,
Ты выпить со мною должна».

Глядит на меня чуть не плача
И шепчет, склоняясь надо мной:
«Была б ты немного богаче,
Моей бы ты стала женой».

«Не смейтесь над девушкой честной.
Зачем мне ваш графский дворец?
Бедняк из деревни окрестной
Меня поведет под венец».

«А коль жениха не дождешься
Ни в том и ни в этом году?» —
«Тогда я монахиней стану,
Тогда я в обитель уйду».

С тех пор миновало полгода,
Зима наступила, и вот
Приснилось ему, что голубка
Монахиней в келье живет.

Стрелой к монастырским воротам
Летит он на быстром коне...

Открылось окошечко: «Кто там?» —
«Любовь моя, выйди ко мне!»

И девушка в белом наряде
Выходит к нему на порог.
Отрезаны длинные пряди,
И взгляд ее грустен и строг.

Он ей не промолвил ни слова,
Он ей не сказал ничего.
Но сердце от горя такого
Разбилось в груди у него.

БАЛЛАДА О ГОЛОДНОМ РЕБЕНКЕ

«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай...» —
«Хлебушек завтра посеем, сынок!
Надо еще потерпеть денек».

Вот в землю брошено зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай...» —
«Завтра начнется жатва, сынок!
Надо еще потерпеть денек».

Вот стало колосом зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай...» —
«Завтра начнем молотить, сынок!
Надо еще потерпеть денек».

Уже в мешках лежит зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай...» —
«Завтра на мельницу съезжу, сынок!
Надо еще потерпеть денек».

Мукою сделалось зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай...» —
«В печку тесто поставлю, сынок!
Надо еще потерпеть денек».

Вот хлеб горою на столе,
Да жаль, дитя в сырой земле.

РАССКАЗ О ФАЛЬШИВОЙ МОНЕТЕ

Итак, грядет последний час!
Вотще предупреждали нас
Христолюбивые пророки:
«За ваши грязные пороки,
За то, что вы презрели труд,
Вас призовут на Страшный суд!»
И все слилось в едином плаче...
А разве быть могло иначе,
Коль в наши злые времена
Спит совесть, вера казнена,
Убита честь, любовь распята,
Коль брат готов зарезать брата
И нет святого ничего?

Вокруг — сплошное воровство,
Добро и набожность в загоне...
Кто станет думать о законе,
Когда везде, и там и тут,
Все — лихоимцы, все — крадут,
Причем свершают похищенья
Почти без всякого смущенья!

Да, в наш благословенный век
Покинут богом человек
За то, что сам забыл о боге...
Шел некий странник по дороге.
Глядит: ему навстречу — воз.
Тьфу, пропасть! Смилуйся, Христос!
Четыре лошади в упряжке
Груз волокут безмерно тяжкий,
Плетутся, бедные, едва...
Крича похабные слова,
Нещадно лупит их возница.
Решил наш друг остановиться.
«Эй, кум! Ответь-ка на вопрос:
Каким добром гружен твой воз?»

Овсом или иным товаром?» —
«Да что вы! Просто хламом старым!
Взгляните на мое добро:
Вот здесь дырявое ведро,
Вот медный таз с пробитым днищем,
Кофейник, выброшенный нищим,
От чьей-то шпаги рукоять,
Подойник, ржавая кровать,
Гвоздь, что торчал в трехногом стуле,
Подкова, крышка от кастрюли,
Видавший виды котелок
И прочий скарб...» — «Постой, милоч!
На кой он леший, хлам тот ржавый?» —
«Для процветания державы!
Любой означенный предмет
Идет на выделку монет:
Перекуют да переплавят,
Чуть позолотою приправят
И пустят с ходу в оборот,
Чтоб одурачивать народ». —
«Да это ж противозаконно!» —
«Какие могут быть законы,
Когда имперская казна
Давно исчерпана до дна?
Ее война опустошила.
Тут власть верховная решила:
В такие дни и хлам хорош.
Мы наречем дукатом грош!
Авось при помощи подлога
Мы ублажим народ немного
И перебьемся как-нибудь...»

«Гм... Я улавливаю суть.
Но есть ли прок в такой затее?» —
«А как же, сударь! Богатеи,
Откупщики-ростовщики
Наполнят золотом мешки.

Ведь генералам и вельможам,
Проклятым кардинальским рожам
Война родителей родней.
Ох, наживаются на ней!
А сколько новоиспеченных
Безмозглых неучей ученых,
Шальному радуясь деньку,
Гребут лопатами деньгу.
Скупают эти благородья
Дома, поместья и уголья,
Зато мастеровой народ —
Тот с голодухи так и мрет,
И мужиков война раздела...
Да что тут скажешь? Плохо дело!
Ну, впору прямо в петлю лезть.
И все ж, браток, спасенье есть.
Тут надобно взглянуть пошире:
Беда — в войне, спасенье — в мире.
Мир, словно врач, излечит хворь.
Смекнул? Приход его ускорь!
Тогда фальшивую монету
Мы всем народом кинем в Лету —
И все невзгоды сгинут прочь.
Молюсь об этом день и ночь!..»

Баллада, распространявшаяся в виде «летучего листка», — своего рода стихотворная прокламация. «Порча денег», как порождение войны, — излюбленная тема народной поэзии 1618—1648 годов. В выпуске фальшивой монеты народные певцы прямо обвиняли германских правителей — и не без основания. Так в 1619 году из обращения были изъяты настоящие деньги и заменены посеребрёнными медными монетами.

**ГЕНЕРАЛ ХОЛЬК, УМИРАЯ В 1633 ГОДУ
В АДОРФЕ ОТ ЧУМЫ, ГОВОРИТ:**

Спаси меня, о боже!
Лежу на смертном ложе —
В какую влип беду!
Господь, подумай только,
Что генерала Холька
Ждут дьяволы в аду!

Я — лютеранской веры.
Но все из-за карьеры
(Черт бы ее побрал!)
Сказал себе: «Не струшу,
Продам-ка папе душу!» —
И вот я — генерал.

В бою и перед боем
Не брезговал разбоем,
Добром набил сундук.
Ах, то был труд излишний!
Спаси меня, всевышний!
Избавь от вечных мук!

Как подведут итоги,
Раздастся голос строгий:
«Ты Лейпциг разорил!
Все пропил, промотал ты,
Деньгами, что украл ты,
Бессовестно сорил!»

Жаль, смерть меня скрутила...
А я ведь был кутила,
Знал, что такое страсть!

Мы пели, пили, жрали,
А люди помирали,
Чтоб нам кутилось власть.

Все полетело прахом!
Дрожу, охвачен страхом,
Вот-вот сойду с ума...
В кишках — сплошное жженье,
Я проиграл сраженье,
И верх взяла чума.

Стращайте не стращайте —
Пришел конец... Прощайте!
Издам последний вздох.
Я в лапах у соблазна
Жизнь прожил безобразно
И грешником подох.

СПОР МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Так Жизнь сказала:

— Мир этот — мой,

С весельем, песнями, кутерьмой.

Я — солнце в небе, я — свет дневной. —

Так Жизнь сказала:

— Мир этот — мой! —

Так Смерть сказала:

— Мир этот — мой.

Я все окутаю вечной тьмой.

Умолкнут песни в ночи н е м о й . —

Так Смерть сказала:

— Мир этот — мой! —

Так Жизнь сказала:

— Мир этот — мой!

Хоть из гранита гробницы строй,

Не похоронишь любви святой. —

Так Жизнь сказала:

— Мир этот — мой! —

Так Смерть сказала:

— Мир этот — мой!

Иду с войною я и чумой.

В могилу ляжет весь род людской. —

Так Смерть сказала:

— Мир этот — мой! —

Так Жизнь сказала:

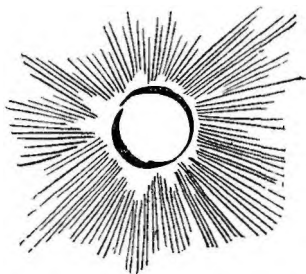
— Мир этот — мой!

Распахнет кладбище плуг стальной.

Взойдет колосьями перегной. —

Так Жизнь сказала:

— Мир этот — мой!

ПУТАНИЦА

Жил в мужике богатый дом:
Пил хлеб, закусывал вином,
Стриг ножницы овечкой,
Доской рубанок он строгал,
В коня повозку запрягал,
Топил поленья печкой.

Он просьшался к вечерку,
Стегал кобылой вожжи,
Из пирога он пек муку,
Из пива делал дрожжи.
Сажал он в репе огород,
Воров поставил у ворот,
Чтоб под покровом мрака
Не влезла в дом собака.

Он в рыбах озеро удил,
Ему сынок жену родил,
А мышь поймала кошку.
Кормил он курами овес,
Землею удобрял навоз,
Хлебал отваром ложку.

Он на ночь хлев пускал в коров,
Срывал деревья с груши,
В деревню лес возил из дров,
На лодке плыл по суше.
Подковой молот он ковал,
Огнем горнило раздувал
И, выпачкавшись в бане,
Купался в грязном жбане.

Но вот, закончив зимний сев,
На шляпу голову надев,
Побрел он на пирушку.
В кругу заплаканных кутил
Он, трубку спрятав, закурил
И в пиво налил кружку.

Да не пришлось попить:
Подвыпивший бродяга
По кулаку зубами — хват!
И помер наш бедняга.

Ему могилу принесли,
Он встал живой из-под земли,
Отпел отца святого
И в пляс пустился снова!

ПРО СТРАНУ ШЛАРАФФИЮ

На белом свете есть одна
Весьма чудесная страна.
И не солгу, ей-богу,
Что сам туда бы побежал,
Когда бы знал дорогу.

Страну Шлараффией зовут.
Одни лентяи там живут
За сахарной горою.
А как быстрее к ним попасть,
Я вам секрет открою.

Кто хочет, пусть в один присест
Ту гору сахарную съест,
Затем на тропку выйдет
И ровно через пять минут
Шлараффию увидит.

Там стены башен и домов
Из кренделей и пирогов.
И в каждом закоулке
Растут на липах и дубах
Поджаристые булки.

Пирожным, пышкам — счету нет.
Не надо никаких монет —
Бесплатно все дается.
А если выпить захотел —
Вино в любом колодце.

Вокруг домов (таков приказ)
Стоят заборы из колбас —
Закуска под рукою,
Пасется прямо на лугу
Отменное жаркое.

Страна, как видим, неплоха:
В озерах плещется уха,
И рыбка не в обиде,
В сеть попадая к рыбаку
Уже в вареном виде.

Летают по небу — ей-ей! —
Там стаи жареных гусей.
И — верите ли? — сразу
Они лентяям прямо в рот
Влетают по заказу.

А что за свиньи в той стране!
С ножом и вилок в спине
Взывают к вам: «Дружочек,
Отведать просим ветчины.
Отрежь себе кусочек!»

Пусть сыровары нас простят —
Там сыром улицы мостят,
И воробьиной стае
Незаменимая еда
Такая мостовая.

А летом — чудо из чудес! —
Не дождь, а мед бежит с небес
По всем холмам и склонам.
Что скажешь! Сладкое житье
В Шлараффии сластенам!

Шумит зима белым-бела —
Муку и сахар намела,
Мукой посыпан ельник.
Вот то-то будет пир горой,
Когда придет сочельник.

Весною каждая река
Полна парного молока,
А на лесной опушке
Растут на ветках, на сучках
Тарелки, ложки, кружки.

Едва взиграет аппетит,
Всяк искупаться норовит.
И неспроста девицы
В шлараффской чудо-стороне
Пышны и круглолицы...

Ну, а почет особый там
Закоренелым должникам.
Едва просрочишь дату,
Займодавец должнику
Двойную тацит плату.

А шаромыжники, луны!
Их перевозносят до луны,
Встречают их приветом.
Но только требуется: лгать
И не краснеть при этом.

Считают там за благодать
Побольше в карты проиграть:
По местному закону
Тот, кто продулся в пух и в прах,
Все забирает с кону.

Зайди в любой шлараффский бор —
О диво! Разгорится взор:
Висят на каждой ветке
Камзолы, шляпы, башмаки,
Атласные жилетки.

Вот это, понимаю, край!
Что приглянулось — выбирай.
Все по последней моде!
А платья, кружева, платки
Есть в каждом огороде.

Приходят люди на базар,
Товар меняют на товар.
Супругу дорогую,
Коль надоела, приводи —
Сменяешь на другую.

Течет за городом река —
Не широка, не глубока.
Столетний дед с одышкой
Нырнет в воду стариком,
А вынырнет парнишкой.

Когда поеду в ту страну,
Я захвачу с собой жену:
Пусть в речку окунется
И вновь невестой молодой
Немедля обернется.

Кого вконец заела лень,
Кто спит в постели целый день,
Часов двенадцать кряду,
Тому вручает магистрат
Почетную награду.

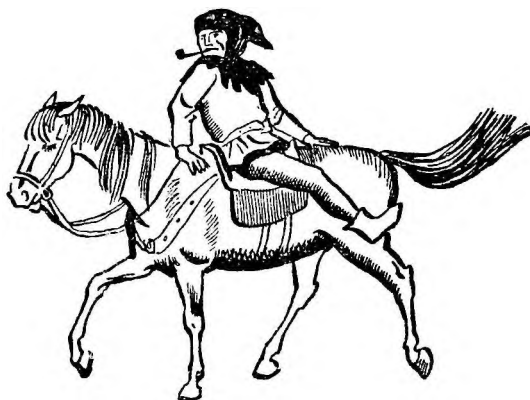
Но если ты трудолюбив,
Прилежен, бодр и не ленив,
Тогда, согласно правил,
Тотчас потребуют, чтоб ты
Шларатфский край оставил.

Дурак, болтун и рогозей
Имеют звания князей,
А главный лежебока,
Провозглашенный королем,
В народе чтим глубоко...

...Все это нынешней зимой
Мне рассказал один немой,
А подтвердил публично
Слепой, который этот край
Недавно видел лично.

И у меня сомнений нет.
Так вот вам, лодыри, совет:
Зря небо не коптите,
А всей компанией честной
В Шлараффию катите!

Сказка о счастливой стране лентяев существует в Германии очень давно, с XV века.

В 1530 году стихотворный вариант этой сказки переработал народный поэт Ганс Сакс.

Название «Шлараффия» стало у немцев нарицательным.

ПОРТНОЙ В АДУ

Под утро, в понедельник,
Портняжка вышел в сад.
Навстречу — черт: «Бездельник,
Пойдем со мною в ад!
Теперь мы спасены!
Сошьешь ты нам штаны,
Сошьешь нам одежонку
Во славу сатаны!»

И со своим аршином
Портняжка прибыл в ад.
Давай лупить по спинам
Чертей и чертенят.
И черти смущены:
«Мы просим шить штаны,
Но только без примерки,
Во славу сатаны!»

Портной аршин оставил
И ножницы достал.
И вот, согласно правил,
Хвосты пооткромсал.
«Нам ножницы страшны!
Изволь-ка шить штаны,
Оставь хвосты в покое,
Во славу сатаны!»

С чертями трудно сладить,
Портной согрел уют
И стал проворно гладить
Им спины вместо брюк.
«Ай-ай! Ужель должны
Нас доконать штаны?
Не надо нас утюжить,
Во славу сатаны!»

Затем он вынул нитку,
Чертей за шкуру — хватать!
И пуговицы начал
Им к брюху пришивать.
И визг и плач слышны:

«Проклятые штаны!
Он спятил! Он рехнулся,
Во славу сатаны!»

Портной достал иголку
И, не жалея сил,
Своим клиентам ноздри
Как следует зашил.
«Мы гибнем без вины!
Кто выдумал штаны?
За что такая пытка,
Во славу сатаны?!»

На стену лезут черти —
Шитье всему виной.
«Замучил нас до смерти
Бессовестный портной!
Не слезем со стены!
Не будем шить штаны!
А то еще подохнем,
Во славу сатаны!»

Тут сатана явился:
«Ты, парень, кто таков?
Как ты чертей решился
Оставить без хвостов?
Коль так, нам не нужны
Злосчастные штаны.
Проваливай из ада,
Во славу сатаны!»

«Так без штанов ходите!» —
Сказал чертям портной
И, полон прежней прыти,
Отправился домой.
Дожив до седины,
Он людям шьет штаны,
Живет и не боится
Чертей и сатаны!

СТАРИННОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ БЛИЗКОЙ ВОЙНЫ, КОТОРАЯ, ОДНАКО, ОКОНЧИТСЯ ВЕСНОЮ

Как подойдет святой Матвей,
Листва осыплется с ветвей,
В полях задует ветер лют...
Остерегайся, бедный люд!
Спустилось солнышко в овраг.
В страну идет старинный враг,
Ведет бесчисленную рать
И всех готовится сожрать!
Уже он бросил в первый бой
Холодный дождь и ветер злой,
И в подпол прячутся скорей
Картофель, репа, сельдерей.
Дрожит озябшая лоза.
В испуге вылупив глаза,
Глядят вокруг — сбежать куда бы? —
Лягушки, ящерицы, жабы.
А тот идет со всех сторон!
Отважных птиц он гонит вон.
От взбудораженной земли
Летят подальше журавли.

Враг близко! Рядом! У ворот!
Но не теряется народ:
В домах, готовясь к бранной встрече,
Вставляют стекла, чинят печи,
Несут мешки, бочонки катят,
Двойные двери конопатят...
Держитесь, братцы! Не робейте!
Пуховики, перины взбейте!
Не спите около окон!
Война диктует свой закон:
Нельзя судачить на крыльчке,
Запрещено купаться в речке
И — ни открыто, ни тайком —
По саду бегать босиком.

Должны быть спрятаны в кладовке
Все ваши летние обновки —
Платки и кофточка из ситца
Не могут до поры носиться,
Штаны и шляпы под запретом,
В которых вы ходили летом.

Враг у ворот! Готовьте сани!
Уже везут дрова крестьяне,
И уголь угольщик везет,
Чтоб нас избавить от невзгод...
Но вот в село вступает враг.
Он развернул свой снежный флаг.
Овладевая рубежом,
Он режет ветром, как ножом,
Леса и реки в плен берет.
Но говорит ему народ:
— Плевать на то, что ты суров!
В хлева упрячем мы коров,
Наденем боевые лапы
Из меха, войлока и ваты.
Держись! Ногами будем топтать,
Тереть носы, руками хлопать,
Не убоимся ничего!
А ну посмотрим, кто кого...

И тут же армия врага
На нас обрушила снега.
Река — под ледяною кровлей.
Как быть отныне с рыбной ловлей?
Но мы, злодею на беду,
Прорубим проруби во льду.
Пусть враг забрал у нас коляски,
У нас есть сани да салазки.

Но враг войну ведет всерьез:
Он шлет на мельницу мороз.

Вот нам и черный понедельник!
Да не робеет старый мельник.
Враг хорошо ему знаком,
Его он шпарит кипятком,
Лопатой бьет, огнем стращает —
И вновь колеса вал вращают.
А между тем из всех избушек
Дым вылетает, как из пушек.

Огонь! — и мы печам в нутро
Суем полено, как ядро.
Закрыты наглухо все двери.
Но, впрочем, есть у нас потери:
Кому-то бешеный мороз
Отменно изукрасил нос,
Другой — метелицей контужен,
А третий кашляет: простужен.

Что делать?.. Но в конце концов
Мы за весной пошлем гонцов.
Весна придет! Свершится чудо?
О, как морозу будет худо,
Когда через недолгий срок
Подует вешний ветерок,
Вернет тепло родным просторам,
И станет враг худым и хворым.
Тогда сквозь все пробьются дыры
Приметы радости и мира:
Травинка, стебель, ландыш хрупкий.
Мороз согласен на уступки,
Но солнце огненным лучом
Пронзит злодея, как мечом.
Все встрепенется, оживится,
Из дальних стран вернутся птицы,
Проснутся нивы и луга,
Освободившись от врага.
Но лишь пойдет на убыль год,
Враг снова двинется в поход.

И ты, приятель, помня это,
Всегда к зиме готовься с лета.
Тебе примером муравей.
И пусть придет святой Матвей!

Это стихотворение — пример поэтической обработки старинного фольклора Арнимом и Brentано. Они записали балладу в 1806 году и привнесли в старинный текст детали современного крестьянского быта, впрочем не только крестьянского. Само изображение смены времен года, как войны между двумя могущественными противниками — зимой и весной, очень характерно для той эпохи, когда Европу уже сотрясали наполеоновские войны.

Святой Матвей, о котором упоминается в балладе, — день наступления зимы (9 ноября по старому стилю).

В РАЮ

Садочки,
Листочки,
Цветочки кругом...
Сидят ангелочки
За длинным столом.
За длинным столом
Ангелочки сидят
И жареных кур
Ангелочки едят.
Паштеты, конфеты —
Что хошь выбирай!
И это
У них называется рай!..

Сидят
Ангелочки за длинным столом,
Паштеты едят,
Запивают вином.
Живется им весело в ихнем раю...

Вчера схоронили сестренку твою.
Горюет отец. Убивается мать.
Да что с вами? Полно! Не надо рыдать!
Не плачьте по дочке
И знайте о том:
Сидят ангелочки
За длинным столом,
Сидят и едят
Королевский обед.
А здесь у ребят
Даже хлебушка нет.

Сидят ангелочки,
Глядят с высоты,
Как голодом сводит
У нас животы.

Сидят ангелочки
В кудрях золотых,
И наша сестренка
Сидит среди них.

Святая Мария, Иосиф святой
С улыбкой подносят
Поднос золотой:

— Невинная крошка!
Святая душа!
Куриная ножка,
Поди, хороша?
Ты так голодала
На грешной земле,
А здесь ты в довольстве живешь
И в тепле.

Здесь летом прохладно,
Здесь жарко зимой...
...Так что же ты, девочка,
Хочешь домой?!

ПЕСНЯ ПРО ЛГУНА

Эй, слушай старый, слушай малый,
Рассказ про случай небывальи,
Что сделал зятем короля
Неисправимого враля.

Воззвал король однажды с трона:
«Любой, кто, не страхась закона,
Всех лучше врет у нас в краю,
Получит в жены дочь мою!»

Одушевленный сим указом,
Шваб, даже не моргнувши глазом,
Пред королем заговорил:
«Вчера я зайца подстрелил,

Его разделал на жаркое.
И вдруг — о диво! Что такое?
Гляжу и сам не верю: он
По горло медом начинен.

А вслед за тем из брюха зайца
Златые выкатились яйца,
Кольцо с брильянтами, алмаз
И высочайший твой указ,

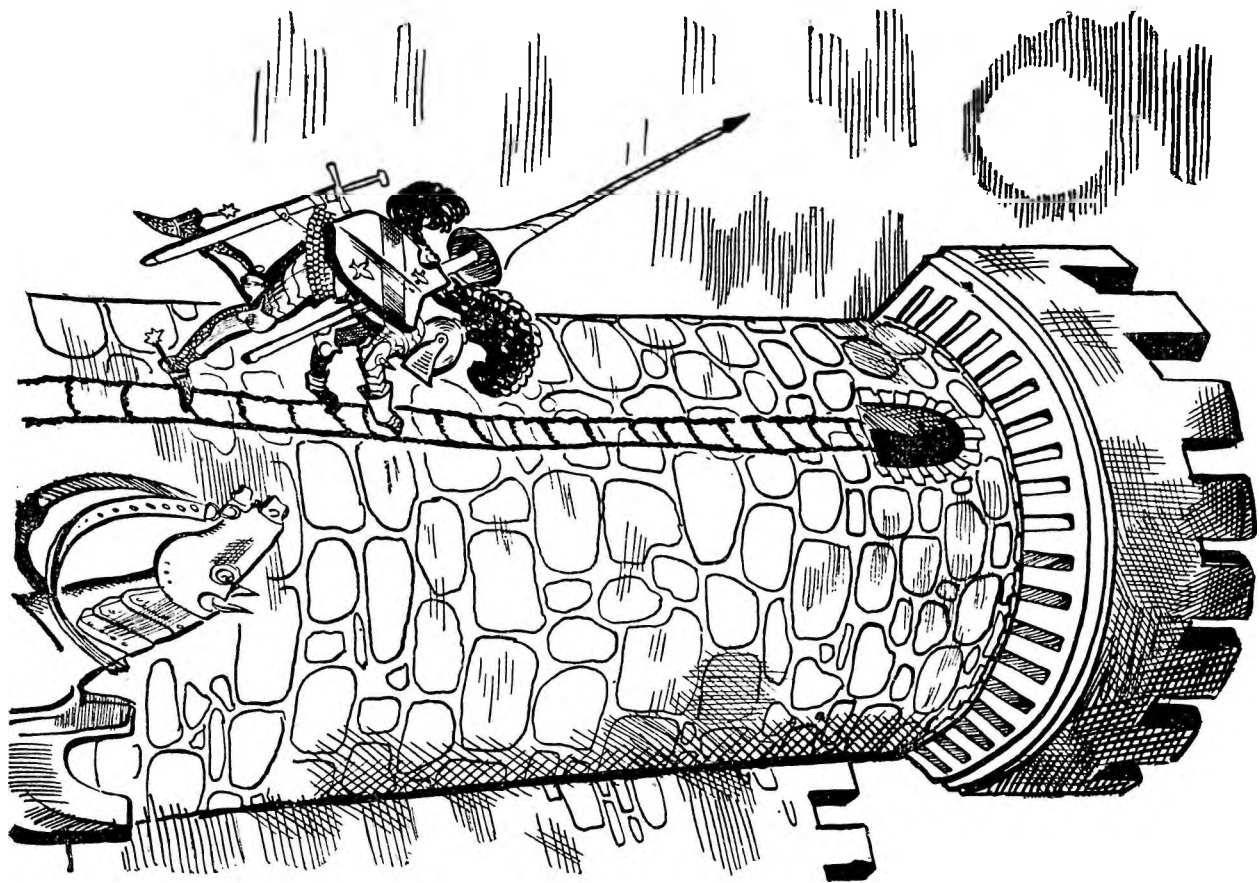
Где я наследником объявлен...» —
«Наглец! Ты был бы обезглавлен, —
Король в восторге заорал, —
Когда бы чуть поменьше врал!

Но прекратим допрос дальнейший.
Отныне ты мне друг первейший.
Ты — главный лжец у нас в краю!
Бери-ка в жены дочь мою!»

БЕДНЫЙ РЫЦАРЬ

Рыцарь забыл своих папу и маму,
Рыцарь влюбился в прекрасную даму.
Рыцарь не спит, и не ест, и не пьет,
Только одни серенады поет.
Бедный влюбленный в течение недели
Выдержал сорок четыре дуэли,
Семьдесят восемь призов заслужил,
Семьдесят две серенады сложил.
Рыцарь, надев боевые доспехи,
Шлет своей даме цветы и орехи,
Яблочный джем, пастилу, мармелад
В тщетной надежде на ласковый взгляд...
Позднею ночью в окошко к прелестнице
Рыцарь полез по веревочной лестнице
И говорит, освещенный луной:
— Станьте навеки моею женой! —
Но, к сожаленью, высокая дева
Вся затряслась от высокого гнева:
— Ах вы, бездельник! Имейте в виду:
Замуж за неуча я не пойду!
Вы на турнирах сражаетесь бойко,
Только у вас по грамматике двойка!
По географии двойка у вас!
Двойка по чтению!.. Прочь с моих глаз!
По арифметике что?.. Единица.
Как же вы смеете, сударь, жениться?!
Дайте сюда ваш противный дневник... —
Рыцарь в тоске головою поник.
...С этого черного, страшного часа
В классную комнату нашего класса,
Лишь детвора удаляется прочь,
Призрак является каждую ночь.
Спрятав лицо под железною маской,
Долго по карте он водит указкой
И произносит при этом слова:
«Штутгарт... Ливорно... Севилья... Москва...»

Голову призрак на панцирь склоняет,
Ходит по классу и громко склоняет,
Так, что отчетливо слышно везде:
«Дерево, дерева, дереву, де...»
Он от доски оторваться не может,
Он вычитает, он делит, он множит
И под конец удивляется сам:
Десятью десять равняется стам!

ЛЮБОВЬ К ФИЛОЛОГИИ

О возлюбленной моей
День и ночь мечтаю:
Всем красавицам ее
Я предпочитаю.
Лишь о ней одной пишу,
Лишь о ней мечтаю.
Никогда рассудок мой
С ней не расстается,
Окрыленный ею дух
К небесам взвывается.
Филологией моя
Милая зовется.
Я взираю на нее
Восхищенным взором.
Грамматическим мы с ней
Заняты разбором,
И меж нами никогда
Места нет раздорам.
Смог я к мудрости веков
С нею причаститься.
Дорога мне у нее
Каждая вещица:
Суффикс, префикс ли, падеж,
Флексия, частица.
Молвит юноша: «Люблю!» —
Полон умиленья.
А для нас «люблю» — глагол
Первого спряженья.
Ну, а эти «я» и «ты» —
Два местоименья.
Можно песни сочинять
О прекрасной даме,
Можно прозой говорить
Или же стихами,
Но при этом надо быть
В дружбе с падежами!

ИКАР ВТОРОЙ, ИЛИ ПОЛЕТ ПОРТНОГО ПО ИМЕНИ БЕРЬЛИНГЕР

История, случившаяся 31 мая 1811 года в городе Ульме на Дунае и пересказанная в стихах очевидцем этого удивительного происшествия.

Жил в нашем городе портняжка...
Ах, есть же в мире чудеса!
Коль на земле живется тяжко,
Подняться можно в небеса.

В питейном сидя заведение
(А если попросту — в пивной),
Бессмертное изобретенье
Стал разрабатывать портной.

Затем, придя домой с попойки,
Портняжка ножницы схватил
И в тот же самый вечер к кройке
Огромных крыльев приступил.

«Он спятил! — в городе решили. —
Пусть меньше водки хлещет впредь!..»
И все же многие спешили
На это диво посмотреть.

Уже бежит иной зевака
(Как будто нет иных забот)
К трактиру «Белая собака»,
Где собирается народ...

Вот, хладнокровный как британец,
Портной вступает на карниз.
Он слышит громкий хохот пьяниц
И чуть смущенно смотрит вниз.

— Чего хохочете, ребята?
Мне это дело по плечу! —
А те кричат: — Дружок, куда ты?
— Пожалуй, в Мюнхен полечу.

Вы только подождите малость!..
— Да этот плут морочит нас!
— Ах, тьфу ты черт! Крыло сломалось.
Придите лучше через час.

Тут представитель магистрата
За воротник портного — хватъ:
— Поскольку вы теперь крылаты,
Вам полагается летать!

Чтоб город отческий прославить
И вместе с тем пресечь обман,
Мы вас обязаны заставить
Осуществить ваш дерзкий план!..

Портной бежит на мост висячий
И восклицает: — Если так,
Пускай увидит каждый зрячий,
Что врать я вовсе не мастак!

Сейчас вы убедитесь сами!..
— Эй, поскорее начинай!.. —
Портной вздохнул, взмахнул руками
И... с головой бултых в Дунай!

...Портной спасен. Портной утешен,
С камзола капает вода.
Ведь тот, кто должен быть повешен,
В воде не тонет никогда.

Но магистрат обеспокоен:
Гора мышпонка родила!
Ужель наш город недостоин
Вершить великие дела?!

Всё из-за пьяницы-портняжки
С его расстроенным умом...
Портной в смирительной рубашке
Доставлен в сумасшедший дом.

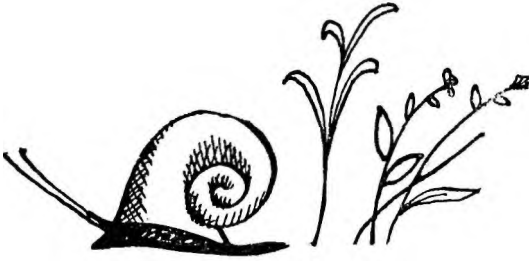
Мораль:

Портной, берись-ка за иголку!
Пеки, пирожник! Куй, кузнец!
И в этом будет больше толку,
Чем в разных глупостях.

Конец

ЗАГАДКИ

Я живу и не тужу,
С каждым я знакома
И по улицам хожу,
Оставаясь дома.

(vmlv L)

Меня видать издалека:
Без трубки и без табака
Курю, на крыше стоя...
Так что же я такое?

(vghd L)

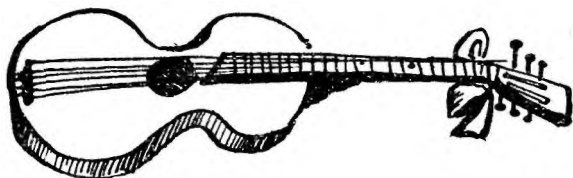

Была белее мела,
Потом позеленела,
Чтоб стать краснее крови...
Отведай на здоровье!

(кнтрп)

Это что еще за штука?
На стене висит — ни звука.
Со стены спускается —
Поет, заливается.

(оргл)

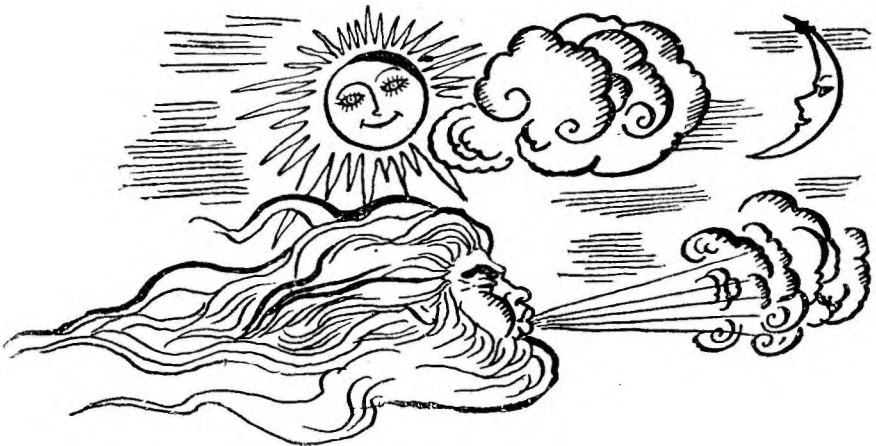

Ходит пешком
С большим гребешком,
Которым не чешется,
А так только — тешится.

(хв. П.)

— Пускай скорей настанет ночь!
— Нет! Ночь пускай уходит прочь!
— А мне что дни, что ночи —
Я дую что есть мочи.

(Луна, солнце, ветер)

В шляпе бархатной — увы! —
Он стоит без головы.
У него одна нога,
Да и та без сапога.

(Грд J)

Выше всякой крыши,
А малы, как мыши.

(Звезды)

По воде плывет подвода,
А на ней полно народа.
Ни колес, ни лошадей,
А смотри — везет людей!

(взгляд)

Тридцать два веселых друга
Уцепились друг за друга,
Вверх и вниз несутся в спешке,
Хлеб жуют, грызут орешки,
И высовывает носик
Красномордый шустрый песик.

(19018 и 11989)

Считалки, песенки

Считалочка

Это — кошка. Это — мышь.
Кошке — сало. Мышке — шиш.
Ладно, мышка, не пищи!
Хочешь сала? Поищи!

«Это — кот! А это — кошка!»
Нет, ошиблись вы немножко.
Всё совсем наоборот:
Это — кошка. Это — кот!

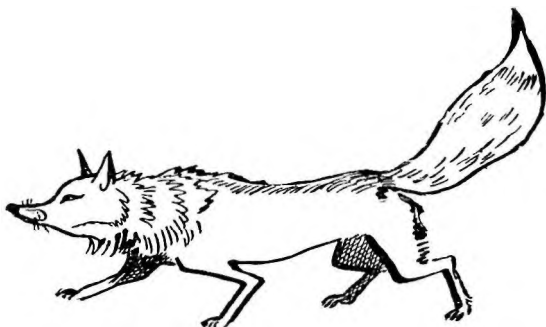
Пес кусается отчаянно.
В суд я подал на хозяина:
«Мне увечие нанес
Этот злой хозяйский пес!»
Я зашел в судебный зал,
Только рану показал,
Закричали хором судьи:
— Да свершится правосудье! —

Совещались полчаса...

— Ну-ка, где владелец пса?
Причитаются бедняге
С вас четыре бочки браги,
Две коровы, пять быков,
Ржи сто семьдесят мешков,
Двести сорок девять булок,
Шесть серебряных шкатулок,
Шкаф, картина, и сундук,
И дукатов триста штук!..

Говорит хозяин судьям:

— Ладно! Ссориться не будем.
Я для пса для моего
Не жалею ничего!

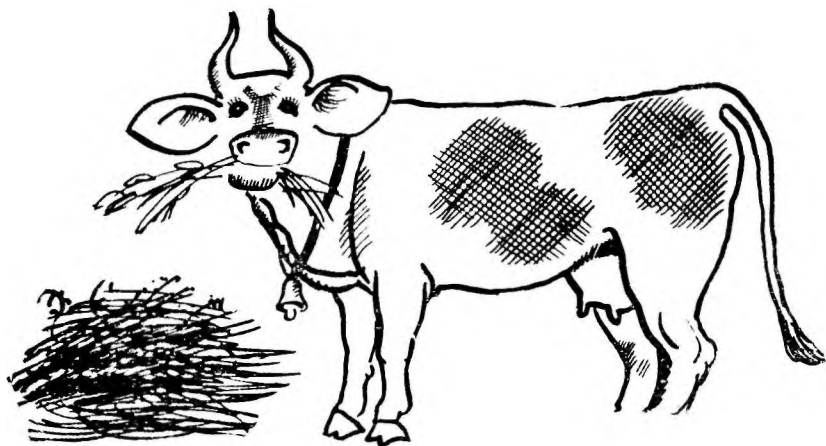

Ишь ты, рыжая воровка!
По тебе грустит веревка:
Ты воруюшь наших кур,
Расхрабрилась чересчур!
Мы тебя, лиса, прищучим,
Воровать тебя отучим
И отправим без хвоста
В отдаленные места!

Ах добрый sereneкий волчок!
Возьми скорей мой пяточок
И, преисполнясь жалости,
Не ешь меня, пожалуйста!

Кто ответит, почему
Говорит корова «Му»?
Может, она плачет,
Только слезы прячет?
Жизнь коровья нелегка,
Скажем откровенно:
Не дают ей молока —
Лишь траву да сено.

ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ

Раз, два, три, четыре, пять...
Мы научимся считать.

Пришла единица —
Вязальная спица.
Прибежала двойка.
Заплясала бойко.
Ей сказала тройка:
«Не пляши, а спой-ка!»
Тут прямо с пригорка
Скатилась четверка...
А вот и пятерка!

У девочек и мальчиков
На руке пять пальчиков.

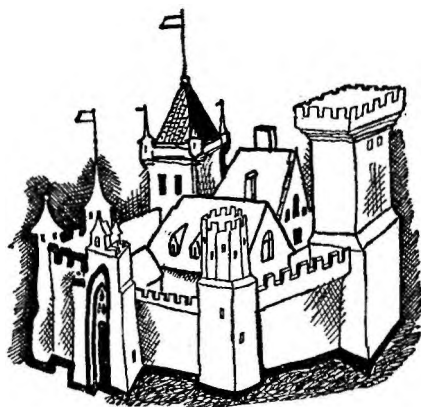
Палец большой —
Парень с душой.
Палец указательный —
Господин сиятельный.
Палец средний —
Тоже не последний.
Палец безымянный
С колечком ходит, чванный.
А пятый, мизинец,
Принес нам гостинец.

Зимю вьюга бесится,
Весною тает лед.
Пройдет двенадцать месяцев —
Настанет новый год.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лев Гинзбург. К читателям . . . . .</i>	3
--	---

БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Крестьянин и рыцарь	11
Крысолов из Гамельна	13
Баллада о Генрихе Льве	16
Нищий школяр	19
Разговор с плящом	20
Королевские дети	21
Маленький скрипач	25
Господин фон Фалькенштейн	27
Священник и волк	29
Горемыка Швартенгальз	32
Свидание с мертвым женихом	34
Вейнбергские жены	36
Надежда	40
Старый солдат	41
Лилофея	45
Была б ты немного богаче...	48
Баллада о голодном ребенке	50

Рассказ о фальшивой монете	51
Генерал Хольк, умирая в 1633 году в Адорфе от чумы, говорит:	54
Спор между Жизнью и Смертью	56

ШУТОЧНЫЕ БАЛЛАДЫ, ПАРОДИИ, ЗАГАДКИ

Путаница	57
Про страну Шларaffenio	59
Портной в аду	65
Старинное предсказание близкой войны, которая, однако, окончится весной	68
В раю	72
Песня про луна	74
Бедный рыцарь	76
Любовь к филологии	79
Икар Второй, или Полет портного по имени Верблингер	80
Загадки	84
Считалки, песенки	89
Считалочка	
Пять пальцев	92
«Зимого вьюга бесится...»	93

Для среднего и старшего возраста

ВОЛШЕБНЫЙ РОГ МАЛЬЧИКА

Из немецкой народной поэзии

Ответственный редактор Г. В. Языкова.
Художественный редактор Н. Г. Холодовская,
Технический редактор Т. В. Перцева.

Корректоры

Л. М. Короткина и Т. П. Лейзерович.
Сдано в набор 9/XII 1970 г. Подписано к печати
24/III 1971 г. Формат 60 X 90^{1/16}, 6 печ. л.
(4,5 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. ТП 1971
№ 505. Цена 27 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Отпечатано с матриц фабрики «Детская книга» № 2
Ордена Трудового Красного Знамени фабрикой
«Детская книга» № 1 Рославлиполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 2349.